

Цзян Лэ ему не ответил. Одновременно заставить прорасти столько саженцев, да ещё и контролировать, чтобы они в нужный момент остановились и, увлечшись ростом, не начали поглощать лишние ресурсы и вредить другим людям, — такое управление тоже крайне истощало сознание.

Со стороны выражение лица Цзян Лэ не изменилось, но на самом деле тягучее онемение расходилось из головы до пальцев, крепко сжимавших костяной клинок. Он не ответил на вопрос Сян Пина, только разжал затёкшие пальцы и посмотрел на Сян Пина с решительной убийственной волей.

Цзян Лэ и Сян Пин почти одновременно сделали следующий шаг. Цзян Лэ пригнулся и, встречая ветер, бросился к Сян Пину. А взгляд Сян Пина скользнул к строю обладателей способностей на пустой площадке. Всё это время молчавшие обладатели способностей внезапно кинулись на Цзян Лэ, и каждый без колебаний применил убийственный приём.

Эти люди наступали грозно, но и Цзян Лэ, и Сян Пин прекрасно понимали: никто из них не был ему противником. У них даже не было силы по-настоящему сойтись с ним в бою.

По-настоящему повлиять на Цзян Лэ могли Чэнь Пин, Вэнь Цуньин и другие знакомые люди. Только сейчас на их лицах читалось лишь равнодушие, и все они смотрели на Цзян Лэ так, словно перед ними был смертельный враг.

Они так твёрдо заслонили Сян Пина, будто были готовы умереть вместо него.

Цзян Лэ прошёл сквозь самые разные атаки. На огромной скорости он промчался мимо Чэнь Пина. Обернувшись, он увидел морщины в профиле Чэнь Пина и его чуть смуглую кожу. И всё-таки, как Сян Пин и предвидел, Цзян Лэ не смог ожесточиться настолько, чтобы нанести смертельный удар.

Кровавая лоза вырвалась из посадочного сосуда, словно магма, взлетела в небо, а на определённой высоте посыпалась вниз, как дождь. В конце концов лозы, словно корабельные якоря, вонзились в землю, а когда снова вырвались из-под земли, уже успели занять нужные позиции и со всех сторон опутали обладателей способностей, которые какое-то время не могли определить направление быстро перемещающегося Цзян Лэ.

Лозы толщиной с чашу превратились в клетку. Обладатели способностей не могли вырваться. Из-за разницы в уровнях даже атаки способностями не могли поколебать дочерние лозы ни на волосок. Им оставалось только издавать недовольные рыки и беспорядочно, яростно биться в путях.

Цзян Лэ больше не оглядывался. Он прямо погнался туда, где исчез Сян Пин, и вскоре ворвался в скрытое подземное лабораторное здание.

Двери лифта только что звякнули и закрылись. Индикатор этажей медленно отсчитывал вниз.

Цзян Лэ одним ударом ноги выбил закрытые двери лифта. Сквозь чёрную шахту он увидел, что кабина уже опустилась на два этажа ниже. Несколько семян выстрелили в лифтовую шахту и, коснувшись стен, тяговых тросов, кабины и всего, до чего могли достать, быстро проросли и пустили корни. Несколько толстых виноградных лоз пробили кабину лифта, прошли всю шахту насквозь, вытянулись вверх, проломили крышу и быстро выросли до толщины деревьев в несколько десятков лет. Свет проник в лифтовую шахту через пролом сверху.

Цзян Лэ и волчонок один за другим прыгнули вниз, пару раз оттолкнулись от виноградных лоз и спрыгнули на один из подземных этажей. Сразу после этого Цзян Лэ, словно порыв ветра, помчался по коридорам, отслеживая место, где находился Сян Пин. С каждым его шагом в пустых коридорах поднимались бесчисленные саженцы самых разных видов. Они росли с пугающей скоростью, и в ограниченном пространстве быстро разворачивалась картина, похожая на смену четырёх времён года.

Всё, что могло быть превращено в энергию, растворялось вместе с укоренением саженцев. Границы между этажами вскоре стали размытыми.

Среди всего этого Цзян Лэ двигался как призрак и держался за спиной Сян Пина примерно в десяти шагах. Их скорости почти не уступали друг другу, пока одна фигура не обогнала Цзян Лэ. Но в тот самый миг, когда волчье тело почти набросилось на Сян Пина, из пустоты за спиной Сян Пина выскочило множество мутировавших видов и преградило мутировавшему волку путь.

И именно в это время бесчисленные саженцы, разрастаясь, перешагнули границы этажей, прорвались вверх и пустили корни вниз. В месте, которое раньше находилось под землёй и не видело солнечного света, появились пробоины. Сначала дневной свет падал вниз через маленькие отверстия, потом источник света быстро расширился, пока оставшиеся части здания с грохотом не обрушились.

Цзян Лэ, волчонок и несколько сильных мутировавших видов выпрыгнули из руин. Они уклонились от падающих камней и пепла, а ещё до того, как камни успели окончательно приземлиться, уже вступили в бой.

Цзян Лэ в полёте со всей силы ударил ногой по хвостовому крюку мутировавшего скорпиона и вбил жалящий крюк, который должен был пронзить его тело, в обрушившуюся стену. Используя силу этого удара, он перевернулся в воздухе и оказался за спиной мутировавшего скорпиона.

На этот раз Сян Пин выпустил мутировавшие виды выше 10-го уровня. Даже если между ними и Цзян Лэ существовала разница уровней, их нельзя было легко убить одним-двумя приёмами.

Кровавая лоза и мутировавший женьшень действовали очень слаженно. Бесчисленные лозы выстрелили из центра зданий и сплели перед Цзян Лэ защитную сеть, заблокировав яд, который выплюнул мутировавший скорпион.

А взгляд Цзян Лэ тем временем невольно повернулся к обладателям способностей, которых поймали дочерние лозы. Их яростные рыки вдруг изменились и превратились в мучительные стоны.

— Это не я! — кровавая лоза тут же стала оправдываться. — Я не выпускала яд и не ела этих людей.

Цзян Лэ знал, что это не кровавая лоза. Его взгляд тут же повернулся к Сян Пину. Это был Сян Пин.

Вместе со стонами обладателей способностей энергия в их телах непрерывно передавалась к Сян Пину. Либо, следуя указанию Сян Пина, направлялась к определённым мутировавшим видам. Всего за несколько вдохов и без того свирепые мутировавшие виды стали ещё более безумными.

Выражение лица Сян Пина было спокойным. Он не испытывал ни малейшей вины за то, что обращал этих обладателей способностей в мешки с кровью. Возможно, в его искажённом мышлении такое вытягивание тоже было лишь «очищением» этих людей.

Цзян Лэ хотел напрямую ударить по Сян Пину, но перед ним всё время появлялись мутировавшие виды и преграждали путь.

Копыта мутировавшего быка 12-го уровня ударили о землю с грохотом, сотрясающим всё вокруг, и заставили ближайшие здания дрожать. Бык бросился на Цзян Лэ и точно перекрыл траекторию его движения. Цзян Лэ только нахмурился, когда сбоку вылетела другая огромная фигура и прямо сбила быка с ног.

Глаза Цзян Лэ вспыхнули. Его взгляд встретился с волчьими глазами, повернувшимися к нему. Даже без слов они поняли друг друга. Цзян Лэ взлетел на спину волка. На месте не было мутировавших видов, способных остановить таран мутировавшего волка 12-го уровня, и Цзян Лэ почти в мгновение снова оказался за спиной Сян Пина.

Но в этот момент тело волчонка дёрнулось. Дрожь передалась Цзян Лэ. Он опустил взгляд и увидел, как коричневый мутировавший волк, почти не уступающий волчонку размерами, вцепился зубами в заднюю лапу волчонка.

Цзян Лэ поднял клинок, собираясь ударить, но волчонок опустил голову, позволяя ему соскользнуть со своей спины.

— Делай то, что хочешь сделать. Не отвлекайся на меня.

Сказав это, он развернулся и с рёвом бросился на коричневого мутировавшего волка. Хотя оба волка были свирепыми и кровожадными, разница в силе их ауры была очевидна. Всего за

несколько секунд положение на поле боя стало ясно. Волчонок крепко прижал тело того мутировавшего волка к земле, раскрыл пасть и прямо откусил ему голову. Кровь брызнула волчонку на морду. Он небрежно бросил эту голову на землю, а потом без колебаний снова кинулся в бой позади, отрезая для Цзян Лэ оборонительную линию, через которую никто не мог прорваться.

Цзян Лэ больше не сомневался и повернулся прямо к Сян Пину.

Сян Пин не выглядел испуганным. Он даже сложил руки и с видом человека, у которого есть время и настроение, наблюдал за боем с высоты. Увидев, что Цзян Лэ перевёл взгляд на него, он, словно оценивая блюдо, сказал:

— Этого волка ты вырастил очень неплохо. Я изначально тоже хотел найти такую породу, жаль, не нашёл.

Он посмотрел на того волка, который лишился головы, но всё ещё не умер окончательно, и сказал:

— Как и ожидалось, брак есть брак.

Время от времени колебания энергии в воздухе входили в тело Сян Пина и смутно издавали тонкие звуки электрического тока.

За спиной Цзян Лэ шла ожесточённая схватка между мутировавшими видами обеих сторон, но он не собирался позволять Сян Пину просто стоять и смотреть. Цзян Лэ оттолкнулся от земли и взлетел, как стрела, сорвавшаяся с тетивы. Лезвие костяного клинка прорезало воздух и достигло лица Сян Пина.

Но скорость реакции Сян Пина и скорость его отступления почти успевали за Цзян Лэ. Он едва уклонился от атаки и тут же перескочил в другое место.

За это время они не раз сходились врукопашную. Цзян Лэ, опершись на клинок, нанёс боковой удар ногой в лицо Сян Пину. Тот поднял руку и заблокировал удар. Затем выдержал ещё несколько летящих ударов Цзян Лэ подряд, пока из руки не донёсся хруст треснувшей кости. Сян Пин уже отступил туда, где отступить было некуда.

Всё это время передача энергии не прекращалась. Она даже усиливалась.

Цзян Лэ отчётливо чувствовал: каждое новое попадание касалось материи более твёрдой, чем при предыдущем ударе. Эта передача энергии шла не только от тех обладателей способностей, которых контролировал Сян Пин, но и от высокоуровневых мутировавших видов.

Краем глаза Цзян Лэ видел: каждый раз, когда падал мутировавший вид, энергия из его тела

по желанию Сян Пина возвращалась обратно, превращаясь в мощную подпитку и непрерывно усиливая Сян Пина.

Цзян Лэ не ожидал, что Сян Пин способен использовать всех и всё до такой степени. Даже сейчас на его лице мелькнуло удивление.

Сян Пин поправил рукав. Он не считал Цзян Лэ человеком, который может тягаться с ним, и сейчас с первого взгляда понял, о чём думает Цзян Лэ.

Пал ещё один мутировавший вид, и соотношение атаки и защиты уже начало меняться.

Волчонок и остальные тоже обнаружили, что при полном убийстве любого мутировавшего вида, который цеплялся за них, из тела вылетает мощная энергия. Поэтому волчонок изменил стратегию. Он больше не убивал эти мутировавшие виды напрямую, а после тяжёлого ранения позволял кровавой лозе забраться в их тела, поддерживать тяжёлое гниение ран и не давать им полностью восстановить боеспособность.

Однако очень скоро волчонок и остальные обнаружили, что этот способ тоже не работает. Каждый мутировавший вид, который уже не мог атаковать, но не успел умереть, вскоре под влиянием внешней силы просто погибал.

Взгляд волчонка повернулся к Сян Пину. Судьба этих мутировавших видов, очевидно, была в его руках. Бесплезное — возвращать. Право определения целиком принадлежало Сян Пину.

Кулаки Цзян Лэ и Сян Пина столкнулись в воздухе, а потом их фигуры разошлись. Сян Пин устойчиво встал на землю, а Цзян Лэ отступил назад почти незаметно, на крошечный шаг.

Сян Пин улыбнулся:

— Знаешь, в чём твоя самая большая проблема? Даже сейчас ты всё ещё проявляешь милосердие к вещам и людям, которые стоят не на твоей стороне. К слабым. Вот твоя проблема.

— Ты не умеешь использовать своё преимущество. Не можешь без сожаления отбросить всех бесполезных людей. В таком мире ты не стараешься забраться на самый верх. И это тоже твоя проблема.

— Вообще, раньше я никак не мог понять, почему небеса дали шанс переродиться не одному человеку. Теперь мне ясно: они используют тебя, чтобы напомнить мне и укрепить мою решимость не совершать твоих ошибок.

С каждым предложением Сян Пин наносил Цзян Лэ удар. Или Цзян Лэ атаковал в промежутке между защитами. Со стороны казалось, что они бьются на равных, но только сами участники

понимали: атаки Сян Пина становились всё сильнее, а Цзян Лэ всё труднее было находить его слабые места.

— Ты и правда самовлюблённый псих, — позволив поту стекать по лицу, ровно сказал Цзян Лэ.
— Что бы ты ни говорил, я не жалею ни об одном своём выборе. И ещё: ты слишком хорошо обо мне думаешь. Я не хороший человек. Всё, что я делаю, я делаю потому, что это полезно мне самому. Сейчас убить тебя мне полезно. Только и всего.

Разница между Сян Пином и Цзян Лэ была лишь в том, что Сян Пин считал себя богом, а Цзян Лэ — всего лишь обычным человеком.

В другом, ещё уцелевшем больничном здании за пределами руин с самого начала осторожно выглядывали медсёстры. С началом боя и грохотом обрушившегося этажа паника распространилась и по больнице.

Некоторые обладатели способностей, которым только сделали операцию по модификации, ещё не были так прочно связаны с Сян Пином, но всё равно подверглись вытягиванию энергии и свернулись на полу. Некоторые даже непрерывно бились в судорогах.

Были и медсёстры, которые выбегали из здания с младенцами на руках. Младенцы, судя по виду, родились совсем недавно. В панике непрерывно звучали разговоры:

— Что делать с роженицами?! А остальные дети?!

— Сначала вынесите полностью здоровых детей!

Цзян Лэ бросил быстрый взгляд и увидел: так называемые здоровые дети на руках у медсестёр были всего лишь обычными людьми, рождёнными естественным образом.

Здесь понятия здоровья и нездоровья резко отличались от внешнего мира. Нездоровье было приравнено к рождению обладателем способности.

— Ты пережил конец света. Ты прекрасно знаешь: обычные люди могут родить обладателя способности, а обладатели способностей тоже могут родить обычного человека. Это изначально вопрос вероятности, в нём нет никакого закона.

— Ошибаешься, — ответил Сян Пин. — Если поколение за поколением проводить отбор, этот мир рано или поздно вернётся к норме.

— Если всё, что связано со способностями, ненормально, — сказал Цзян Лэ, — тогда ты тоже должен умереть.

Сян Пин засмеялся, будто услышал какую-то нелепость. Он был уверен, что у Цзян Лэ нет такой силы.

Цзян Лэ встретился с ним взглядом, а потом медленно убрал костяной клинок, словно хотел справиться с Сян Пином голыми руками.

Улыбка в глазах Сян Пина стала ещё глубже. Он прекрасно понимал: один на один Цзян Лэ не сможет его победить. Хотя быстрое поглощение энергии тоже давало нагрузку на тело Сян Пина, этого хватит, чтобы продержаться до тех пор, пока он не убьёт Цзян Лэ.

Улыбка на лице Сян Пина держалась до того самого момента, когда Цзян Лэ исчез на месте.

Да. Цзян Лэ исчез прямо под носом у Сян Пина. Хотя «исчез» было не совсем точно: он исчез лишь из поля зрения Сян Пина. Но на уровне чувств его присутствие всё равно было повсюду.

В воздухе внезапно поднялся ветер. Он подхватил мелкую грязь и песок и в одно мгновение обвил Сян Пина, заставляя даже края его одежды непрерывно колыхаться.

Сян Пин чувствовал, что Цзян Лэ находится в этом ветре, но ему было трудно определить точное положение. Он поднял руку и попытался поймать приближающуюся ауру, но коснулся лишь ветра, утекающего сквозь пальцы. А когда он действительно увидел Цзян Лэ в ветре, тот уже ударил его кулаком в голову.

Скорость ветра становилась всё выше. Поднявшийся песок почти лишил внешних наблюдателей возможности увидеть, что происходит внутри вихря.

Атаки, падавшие на Сян Пина, не были смертельными, но действительно ранили его. А главное — они выводили Сян Пина из себя.

Несколько высокоуровневых мутировавших видов, которые ещё недавно сражались с волчонком и остальными, вдруг остановились. На их лицах появились страх и нежелание, но словно кто-то силой нажал кнопку выключения: свет в их глазах одновременно погас. Несколько огромных потоков энергии были выкачаны из воздуха и устремились к движущемуся вихрю.

За десять с лишним секунд глаза Сян Пина чуть покраснели, взгляд стал холодным. Фигура Цзян Лэ, изначально растворённая в ветре, в его глазах становилась всё яснее и яснее, пока он снова не поднял руку и не заблокировал кулак Цзян Лэ.

Но когда Сян Пин захотел приложить силу и раздавить плоть и кости в ладони, оказалось, что он сжимает только песок и пыль. Под нажимом камешки превратились в крошку и высыпались из его руки.

Цзян Лэ чувствовал, как ментальная сила Сян Пина хаотично мечется в воздухе. Эта сила была настолько мощной, что её было трудно измерить. Даже мутировавший женьшень, уже ставший мутировавшим видом 12-го уровня с невероятной ментальной силой, не мог тягаться с его ментальной силой.

Конечно, такая мощная ментальная сила не могла сохраняться постоянно. В большей степени она происходила от резкого усиления способностей Сян Пина именно в этот момент. При нынешнем уровне его физического тела он не сможет поддерживать такую ментальную силу долго.

Пока человеческий дух не отделился от материального тела, если Сян Пин хотел использовать такую ментальную атаку, ему тоже нужно было как можно скорее найти истинное тело Цзян Лэ. Иначе он не сможет причинить ему большой вред.

А найти истинное тело Цзян Лэ для Сян Пина было, возможно, трудно.

Летающий песок оставлял на лице Сян Пина кровавые полосы разной глубины. Его некогда опрятная, чистая рубашка теперь была разорвана, пропитана проступившей кровью, и сам он редко когда выглядел таким жалким. Только холод в его глазах не изменился.

У Цзян Лэ временно не было материального тела, но у его питомцев оно было.

Ментальная сила Сян Пина сгустилась и ударила прямо по тем трём высокоуровневым мутировавшим видам. Ментальные атаки причиняли живым существам самую сильную боль, не сравнимую с физическими мучениями.

Гигантский волк почти мгновенно застыл на месте. Хотя он стиснул зубы и не издал ни звука от боли, телесную реакцию на травму скрыть было невозможно.

Мутировавший женьшень быстро выпустил ментальную силу, чтобы сопротивляться, но при столкновении с ментальной силой Сян Пина он оказался совершенно беспомощен. Его защита тут же разбилась в клочья, и мутировавший женьшень напрямую потерял сознание.

В этот момент Сян Пин подумал: если Цзян Лэ окажется достаточно жесток и не станет заботиться о жизни и смерти своих питомцев, то даже если Сян Пин сможет сначала убить питомцев Цзян Лэ, расклад боя это не изменит. В этой партии у Цзян Лэ всё ещё будет преимущество времени.

Цзян Лэ почувствовал действия Сян Пина и тут же хотел убрать питомцев в пространство. Но было уже поздно. У питомцев, чья психика была повреждена, связь с пространством сильно ослабла. Мутировавший женьшень и кровавую лозу ещё можно было насильно вернуть в посадочный сосуд, но волчонок совершенно не реагировал на призыв пространства.

Более того, из-за подсознательного движения Цзян Лэ, желавшего сохранить питомцам жизнь, его истинное тело в это мгновение было поймано Сян Пинем. Ментальная сила Сян Пина не колебалась ни секунды: одним ударом она выбила Цзян Лэ обратно в человеческую форму, и он в беспорядке рухнул на землю.

На лице Сян Пина появилась довольная улыбка. Он знал: Цзян Лэ беспокоился даже о его чёрной змее. Как же он мог не беспокоиться о жизни и смерти собственных питомцев?

В голове Цзян Лэ поднялось головокружение. Он повернул голову и сквозь расплывчатое зрение посмотрел на волчонка, лежавшего неподалёку. Хотя он понимал замысел Сян Пина, сколько бы раз это ни повторилось, Цзян Лэ всё равно сделал бы тот же выбор, что только что. Он не мог смотреть, как волчонка, кровавую лозу или мутировавший женьшень убивают по прихоти.

Сян Пин одной ногой наступил на Цзян Лэ и сверху вниз посмотрел на проигравшего:

— Я давно говорил: мягкосердечие — твоя главная слабость.

Цзян Лэ тяжело дышал. Из-за повреждения духа он не мог сразу снова сосредоточиться и изменить форму тела. Он не смотрел на Сян Пина, только в постепенно проявляющемся зрении подтвердил, что жизни волчонка ничего не угрожает.

А что до самого себя, в голове Цзян Лэ сейчас было не так много мыслей. Наверное, он умрёт. Но это была цена, о которой он думал ещё до прихода сюда. Жаль только, что он не успел утащить Сян Пина за собой...

Цзян Лэ повернул голову и посмотрел на Сян Пина. Увидев красноту в глубине его глаз, он вдруг снова облегчённо улыбнулся. Судя по виду Сян Пина, на этот раз тот тоже серьёзно подорвал силы, и такой вред был необратимым.

Заставить Сян Пина прожить на несколько десятков лет меньше — тоже не совсем бесполезная цена.

Сян Пин разозлился из-за того, что Цзян Лэ игнорирует его, а увидев, что Цзян Лэ ещё и смеётся, разозлился ещё сильнее. Он поднял руку, собираясь прямо здесь убить Цзян Лэ.

Но в миг, когда его рука поднялась, тот гигантский волк, спотыкаясь, с трудом встал и резко закрыл собой руку Сян Пина, словно хотел принять этот смертельный удар за Цзян Лэ.

Сян Пин хотел убить Цзян Лэ, но не настолько хотел убивать этого мутировавшего волка.

На этот раз его запас мутировавших зверей был почти полностью исчерпан. Конечно, он в любой момент мог начать заново, но по сравнению с расходным материалом, который выглядел

очень боеспособным, но имел низкую ценность, этот мутировавший волк был слишком ценен.

Сян Пин с интересом посмотрел на мутировавшего волка, который явно уже почти не мог сражаться, но всё равно выбрал защиту. В нём ещё сильнее поднялось желание покорить. Он положил руку на волчью голову и медленно выпустил свою ментальную силу.

Цзян Лэ почувствовал неладное, и система начала непрерывно выдавать сообщения.

«Обнаружено, что уровень симпатии между вами и питомцем снижается. Хозяину следует обратить внимание!»

«Обнаружено, что связь питомца с системой ослабевает. Хозяину следует обратить внимание!»

«Обнаружено, что связь между питомцем и системой чрезмерно слаба. Система хозяина и питомца вот-вот выйдет из строя. Хозяину следует обратить внимание!»

Волчонок, который даже при той тяжёлой ментальной травме не издал ни звука, теперь мучительно завыл, отчаянно сопротивляясь изменениям, которые Сян Пин навязывал ему. Эта боль через дух напрямую передалась Цзян Лэ. Цзян Лэ больше не мог сохранять спокойствие. Он, напрягаясь, спросил:

— Что ты делаешь?!

Лицо Сян Пина долго оставалось серьёзным, прежде чем постепенно расслабилось. Его ментальная сила за это время немного побледнела, очевидно, только что он потратил немало сил.

Цвет глаз Сян Пина стал ещё более странным, уже нечеловеческим. У него больше не было терпения возиться с Цзян Лэ. Но он придумал игру поинтереснее.

Сян Пин убрал ногу, прижимавшую Цзян Лэ, и отступил на пару шагов.

— А теперь посмотрим, как зверь, ради которого ты отказался убить меня и рискнул жизнью, сам тебя убьёт.

Почти в тот же миг, когда Сян Пин договорил, Цзян Лэ почувствовал, как убийственная аура бросилась на него. Он едва увернулся и увидел, что в том месте, где он только что лежал, волчья лапа вырыла глубокую яму. Если бы Цзян Лэ не уклонился достаточно быстро, этот удар отнял бы у него половину жизни.

Цзян Лэ посмотрел в зрачки волчонка. В голубых, как вода, глазах почти не осталось прежних знакомых чувств. Если что-то там и было, то лишь равнодушие и ненависть, которые Цзян Лэ

видел в тот самый день, когда впервые нашёл волчонка.

Чем сильнее мутировавший вид, тем меньше он готов быть связанным. Получив возможность, они обычно без колебаний предадут. Это Цзян Лэ знал ещё в прошлой жизни. Просто из-за системного уровня симпатии он постепенно забыл об этом.

Сейчас поведение волчонка, похоже, было насмешкой, которую Сян Пин нарочно устроил для Цзян Лэ.

— Сяо Лан!

Снова избежав атаки гигантского волка, Цзян Лэ неловко перекатился в сторону. Но волчонок не отреагировал на его зов. Он лишь чуть наклонил голову, и в его глазах, казалось, была только ненависть к этому имени.

Струя пламени вырвалась наружу и в одно мгновение расплавила железобетон там, где только что стоял Цзян Лэ. Вокруг взметнулась горячая волна.

Цзян Лэ никогда не думал, что однажды окажется с волчком по разные стороны.

Если бы атака Сян Пина только что не нанесла волчонку немалый вред, сейчас у Цзян Лэ, вероятно, уже не было бы сил уклоняться от его ударов.

Раны на лице Сян Пина медленно заживали. Он поправил полы одежды и постепенно возвращал себе приличный вид.

А Цзян Лэ под погоней волчонка балансировал на грани опасности. Его фигура то и дело вспыхивала то выше, то ниже в разных местах главной базы. Пламя за спиной следовало за ним по пятам, и две другие постройки, которые изначально ещё выглядели целыми, постепенно тоже превратились в развалины.

Иногда движения мутировавшего волка останавливались, будто в хаотичной памяти он находил обрывок, связанный с Цзян Лэ. Но такие моменты были слишком короткими и не давали Цзян Лэ времени на полноценный вдох.

У Сян Пина окончательно кончилось терпение. Он снова ментальной силой отправил волчонку приказ:

— Убей его!

Волчонок, услышав это, поднял голову и посмотрел на Сян Пина. В его глазах не было покорности — только такое же холодное равнодушие, как и по отношению к Цзян Лэ. Сян Пин

стёр связь хозяина и питомца между волчонком и Цзян Лэ, но это не означало, что он уже выстроил новую связь хозяина и питомца с волчонком. Сейчас атака волчонка на Цзян Лэ была лишь инстинктом мутировавшего вида, который, получив свободу, выбирал убить человека, когда-то подчинившего его.

Но ментальный контроль Сян Пина всё же оказал на волчонка определённое влияние. Тот несколько секунд стоял на месте, а потом, будто приняв решение, бросился на Цзян Лэ.

На этот раз Цзян Лэ не повезло уйти. Волчий коготь зацепил его плечо, и из плеча Цзян Лэ мгновенно хлынула кровь. Затем волчья лапа перевернула его и прямо прижала к земле.

Они находились на верхнем этаже больницы. Ударная сила, принесённая гигантским волком, грубо продавала этажи сверху вниз. Пока они не дошли до первого этажа и не коснулись пола, уже разъеденного корнями саженцев до тонкого слоя. Посередине была полусекундная задержка, а потом земля обрушилась огромной ямой. Цзян Лэ прямо рухнул на дно и на короткое время исчез из поля зрения Сян Пина.

Там, где Сян Пин не мог видеть, гигантский волк убрал когти и клыки, быстро перевернулся, меняя положение человека и волка, так что сам упал на дно ямы, а Цзян Лэ опустился на мягкую шерсть его живота.

Дыхание гигантского волка скользнуло по щеке Цзян Лэ. Он языком слизнул кровь с плеча Цзян Лэ и втянул непрерывно сочащуюся алую кровь в рот.

Сян Пин действительно взял волчонка под контроль. Он действительно разорвал связь хозяина и питомца между ним и Цзян Лэ и даже снова опустил его симпатию к Цзян Лэ до ледяной точки.

Только он не подумал об одном: чувства волчонка к Цзян Лэ не ограничивались отношениями хозяина и питомца. Стереть симпатию к хозяину не означало стереть память о паре.

Не слишком хороший супруг всё равно оставался супругом.

Цзян Лэ беззвучно засмеялся. Он взял голову волчонка в ладони и наклонился, чтобы поцеловать его.

Недобрый взгляд голубых волчьих глаз его не слишком тревожил. Очень тихим голосом он сказал волчонку:

— Жди здесь. Не выходи.

Волчонок не хотел.

Но как только Цзян Лэ договорил, со дна ямы выросли бесчисленные толстые корни и, связав волчонка, потащили его внутрь. Эти корни были всего лишь 8-го или 9-го уровня, но для тяжело раненного сейчас мутировавшего волка их было достаточно, чтобы на какое-то время задержать его.

Недовольный рёв волчонка со дна ямы дошёл наверх и заставил Сян Пина заподозрить неладное. В тот миг, когда он приблизился к яме, фигура стремительно вылетела из глубины.

Из-за чрезмерного использования энергии Цзян Лэ даже во время дыхания чувствовал густой вкус крови, будто его внутренние органы уже начинали плавиться. Возможно, это было не иллюзией, а реальной реакцией тела.

Но сейчас Цзян Лэ волновало не это.

Волчонок, даже в хаосе, обладал с ним несравнимой слаженностью. В той несмертельной схватке он дал Цзян Лэ достаточно времени, чтобы вернуть контроль над собственным телом.

В тот миг, когда Цзян Лэ вырвался из ямы, он снова исчез. Ветер, поднимающий песок и камни, снова взметнулся. Только на этот раз он был ещё яростнее.

Сян Пин среагировал достаточно быстро. Он тут же перенаправил защитную силу и окружил себя барьером, не давая острому ветру коснуться тела напрямую.

Но и Сян Пин, и Цзян Лэ понимали: и защита Сян Пина, и атака Цзян Лэ имели цену. Теперь они сравнивали лишь то, кто продержится дольше.

Небо из тёмного стало светлым. Запах крови в ветре становился всё явственнее. На лице Сян Пина тоже начали появляться трещины. Не все они были следами атак Цзян Лэ; гораздо больше исходило от того, что тело Сян Пина уже не могло продолжать выдерживать огромную энергию внутри.

Волчонок слепо метался между корнями под землёй. Эти корни под сознательным управлением Цзян Лэ составили лабиринт, специально направленный против волчонка. Даже если волчонок в ярости атаковал корни, на их место тут же вставали другие.

В этом процессе волчонок восстановил немного воспоминаний и ещё сильнее начал тревожиться за безопасность Цзян Лэ.

Окружающие здания непрерывно рушились под непрекращающимся ростом саженцев, пока в конце концов не оказались затронуты даже ближайšie горные массивы.

Обладатели способностей, связанные на месте, почти все уже перестали подавать признаки жизни. Сян Пин высосал их до состояния человеческих мумий.

Но теперь и сам Сян Пин больше не мог продолжать поглощение. Его тело было до предела наполнено излишней энергией и вот-вот должно было взорваться.

И в этот момент волчонок почувствовал, как корни перед ним вдруг перестали его удерживать. Запутывающая, заставляющая кружиться голова картина перед ним исчезла. Он тут же разорвал эти корни и выбрался из глубины земли, бросаясь туда, где находился Цзян Лэ.

Это означало, что Цзян Лэ уже не в силах продолжать отдавать саженцам команды. А ещё означало, что его тело достигло некоего предела.

— Остановись! — Сян Пин наконец ощутил решимость Цзян Лэ и приближение смерти.

Он чувствовал: если Цзян Лэ убьёт его, то сам тоже не выживет. Но Цзян Лэ явно совершенно не заботила жизнь и смерть.

Однако Цзян Лэ никак не отреагировал на приказ Сян Пина.

Ради выживания Сян Пину пришлось быстро выпускать энергию из тела. Невидимая энергия сгущалась в воздухе и вскоре начала устремляться к тем мутировавшим видам, чьё сознание было отсечено, к тем обладателям способностей, которых высосали досуха, к тем местам, откуда она изначально пришла.

Волчонок выбрался из ямы и увидел эту картину. Он тоже почувствовал смертельную решимость Цзян Лэ. Приняв человеческий облик, он хрипло и надрывно крикнул Цзян Лэ:

— Цзян Лэ!

В этом голосе было так явно слышно разбитое сердце и ярость, что он прозвучал даже в уже мутнеющем сознании Цзян Лэ. Ветер, который уже постепенно слабел, но всё ещё был решительно готов возвращаться до полного исчезновения, медленно остановился. Фигура Цзян Лэ снова обрела материальный облик и была подхвачена примчавшимся волчком.

Сян Пин в этот промежуток нашёл шанс бежать и быстро рванул в одном направлении.

Убедившись, что Цзян Лэ всё ещё дышит, волчонок осторожно положил его на землю, а потом без колебаний бросился в погоню за Сян Пином.

Сян Пин уже был на последнем издыхании и больше не мог использовать ментальную силу. Пробежав всего четыре-пять километров и ещё не покинув ближайшую безлюдную зону, он был настигнут мутировавшим волком.

Волчонок одной лапой раздробил половину костей Сян Пина. Волчья голова опустилась, и

горячее дыхание уже обжигало кожу лица Сян Пина до пузырей. Сян Пин закричал от боли:

— Тварь, убирайся!

Но его ментальная сила уже была настолько слаба, что не могла оказать на мутировавшего волка никакого влияния.

Изначально волчонок хотел одним ударом убить Сян Пина, но, почувствовав, как сзади приближаются несколько мутировавших видов, остановился.

Сян Пин тоже увидел своих мутировавших видов, и в его глазах снова появилась надежда. Почувствовав, как волчья лапа убирается с тела, Сян Пин из последних сил отдал своим мутировавшим видам приказ:

— Быстро! Убейте этого волка!

Но ни один мутировавший вид не послушался Сян Пина.

Волчонок отступил вовсе не потому, что хотел сражаться с этими мутировавшими видами. Между высокоуровневыми мутировавшими видами существовало молчаливое понимание. Если не было причины биться насмерть, они вовсе не обязаны были при каждой встрече выяснять, кто жив, кто мёртв.

Ментальной силы Сян Пина давно уже не хватало, чтобы снова отдавать приказы, способные влиять на действия этих мутировавших видов. Даже если он хотел ментально мучить их и снова контролировать, теперь ментальная боль уже была тем, что эти мутировавшие виды уже могли вынести.

Если обычно к питомцам есть только контроль и нет чувств, то в момент расплаты от них тоже не стоит ждать милосердия. Если ты признаёшь закон, по которому слабый служит пищей сильному, то должен принять и то, что, когда сам окажешься слабым, тебя разорвут как угодно.

После того как мутировавший волк убрал лапу, несколько мутировавших видов с молчаливым согласием бросились вперёд. Каждый вцепился в одну часть тела Сян Пина. Лишь почувствовав, как звери, которых он считал низшими инструментами, прокусывают его тело, Сян Пин по-настоящему ощутил глубокое отчаяние.

— Нет... стойте, убирайтесь!

Но больше никто его не слушал. Мутировавшие виды повернули головы в разные стороны и прямо разорвали его на несколько частей, а потом небрежно проглотили.

Крик оборвался. Все амбиции и стремления Сян Пина рассеялись в одно мгновение. Как бы высоко человек ни мнил о себе, в смерти он всего лишь куча плоти и крови.

Волчонок холодно смотрел на это и не стал задерживаться. Он только развернулся и побежал туда, где находился Цзян Лэ.

***

А Цзян Лэ, лежавший на месте, из-за чрезмерного истощения тела чувствовал, как тяжелеют веки. За это время система бесчисленное множество раз выдавала ему опасные предупреждения, но Цзян Лэ их игнорировал. Поэтому, когда системный голос снова прозвучал, Цзян Лэ даже подумал, что это его иллюзия.

Но предупреждение прозвучало больше одного раза. В ушах Цзян Лэ оно из смутного постепенно стало ясным.

«Обнаружено присутствие мутировавшей змеи. Уровень симпатии мутировавшей змеи к хозяину крайне высок. Подтверждает ли хозяин принятие её в питомцы?»

Сяо Хэй...

Старый камфорный лавр по какой-то причине не нанёс ей смертельного удара. А смерть Сян Пина оборвала последнюю нить связи между ним и змеёй, позволив ей по-настоящему стать свободной змеёй.

Цзян Лэ с трудом повернул голову и среди кирпичей, обломков черепицы и корней саженцев увидел чёрную змею, которая ещё едва-едва дышала. На его лице появилась очень слабая улыбка. Прежде чем сознание окончательно провалилось во тьму, он нажал подтверждение.

***

Цзян Лэ казалось, что он просто поспал. Но когда он снова открыл глаза, погода уже успела перейти в глубокую зиму.

Он сел на кровати и обнаружил, что лежит в горной пещере. За входом в пещеру падал снег, только холод не мог проникнуть внутрь: у входа сидел на корточках мужчина, от которого непрерывно исходило тепло.

Это была та самая пещера на морском острове, где они когда-то долго жили.

Движение Цзян Лэ, вставшего с кровати, волчонок заметил в первую же секунду. Ещё до того, как Цзян Лэ успел сделать что-то ещё, мужчина уже оказался рядом.

Цзян Лэ не забыл ни одного события перед потерей сознания. Поэтому сейчас ему не нужно было спрашивать, где он, но из-за прошедшего времени он всё равно спросил волчонка:

— За это время ты возвращал меня на ферму?

Волчонок покачал головой.

Он повернулся, налил Цзян Лэ стакан воды и передал ему. Цзян Лэ большими глотками выпил всё, а ответ волчонка оказался для него вполне ожидаемым.

Можно было даже не спрашивать, возвращался ли сам волчонок на ферму. Ответ точно был отрицательным.

— Зачем возвращаться? Сян Пин уже мёртв. Мы можем всегда жить на свободе снаружи, — сказал волчонок.

Это было его давним желанием. Он ненавидел места, где слишком много людей.

Цзян Лэ потёр ещё немного кружившиеся виски.

— Пока ещё нельзя.

— Почему ты отдал моё место той змее? — тут же спросил волчонок, приближая лицо к Цзян Лэ.

Цзян Лэ ещё немного соображал туго:

— Какое место...

Только сказав это, он понял, о чём речь. Он хотел объяснить, но в голову тут же хлынули ещё несколько сознаний. Это были остальные три питомца, уже несколько месяцев запертые в пространстве.

— Папа, ты проснулся? Скорее выпусти нас!!

— Цзян Лэ, Цзян Лэ-э!

Эти голоса были такими жалобными, будто, если их сейчас же не выпустить, они точно умрут. Стоило Цзян Лэ шевельнуть мыслью, как три мутировавших вида вывалились из пространства в реальность.

— Прости, что так долго не выпускал вас, — сказал Цзян Лэ. — Совсем уже задохнулись там?

— Да!

— Чуть не померли!

— Нормально.

Три мутировавших вида — три разных ответа. Последний принадлежал мутировавшему женьшеню. Он не утешал Цзян Лэ, а действительно считал, что всё было нормально.

Единственной настоящей потребностью мутировавшего женьшеня было лечение. Когда Цзян Лэ бросил чёрную змею в пространство, она тоже была недалеко от смерти, а для мутировавшего женьшеня это был превосходный пациент. Все эти несколько месяцев он постоянно проводил Сяо Хэй диагностику и лечение, медленно возвращая чёрную змею с границы жизни и смерти к нынешнему бодрому состоянию.

А причина того, что Цзян Лэ впал в такую долгую спячку, тоже заключалась в чрезмерном использовании энергии. Когда энергия была полностью исчерпана, он начал тратить собственную жизненную силу. Повреждения оказались слишком сильными, и за эти месяцы его тело было вынуждено медленно восстанавливаться во сне.

— Теперь домой? — спросили рядом.

— А где дом?

— Глупая змея, дом — это ферма!

Болтовня над ухом не прекращалась, но Цзян Лэ смотрел только на волчонка. Он сам взял его за руку и спросил:

— Ну как, теперь вернёмся домой?

Волчонок с холодным лицом был крайне недоволен тем, что его спокойное время наедине с Цзян Лэ прервали. Когда он смотрел на тех питомцев, в его взгляде даже было немного убийственного намерения.

Кровавая лоза оказалась очень понимающей. Она протянула лозу, потянула за собой чёрную змею, которая всё ещё возбуждённо болтала, и обвила её, закрывая ей рот.

Раньше кровавая лоза осмеливалась иногда хитрить перед волчонком, потому что знала: они

оба питомцы. Даже если Цзян Лэ не успеет присмотреть, система, возможно, всё равно в какой-то мере ограничит волчонка. Но теперь у волчонка не осталось даже статуса питомца. Кто знает, вдруг он правда скажет «убью» и убьёт.

— Это их дом, не мой, — волчонок повернул голову к входу в пещеру.

Хотя его тон был холодным, Цзян Лэ уловил в нём крошечную, почти незаметную тревогу. Сян Пин насильно разорвал связь хозяина и питомца между ним и Цзян Лэ, а чёрная змея заняла место питомца, которое изначально принадлежало волчонку.

Даже если волчонок уже считал Цзян Лэ своей парой, от самого Цзян Лэ он никогда не получал прямого признания.

— Разве это не твой дом? — с любопытством спросил Цзян Лэ.

Он встал с кровати, медленно обошёл волчонка спереди, поднял руку и повернул его лицо, вынуждая смотреть себе в глаза. И заодно позволил волчонку увидеть лукавство в его взгляде.

— Я думал, — медленно сказал Цзян Лэ, — что как моей паре тебе принадлежит и мой дом. Разве нет?

По мере слов Цзян Лэ глаза волчонка постепенно расширялись. А в тот самый миг, когда Цзян Лэ договорил, он словно испугался, что Цзян Лэ передумает, и крепко схватил его за руку.

— Ты сказал, что ты моя пара. Я слышал. Потом не смей отпираться.

Цзян Лэ потянул его за руку и пошёл к выходу из пещеры.

— А чего тут отказываться?

Почувствовав, как снежинки падают ему на щёку, Цзян Лэ обернулся к остальным питомцам в пещере, которые сперва затаились от страха, а теперь смотрели с совершенно потрясёнными лицами. Запрыгивая на спину волка, он спросил:

— Домой? Ну что, идёте?

— Идём, идём!

Под толстым слоем снега уже проклёвывались зелёные ростки. Кровавая лоза и мутировавший женьшень спокойно устроились в посадочных сосудах, а чёрная змея под землёй следовала за волчонком шаг в шаг.

На спине волка Цзян Лэ глубоко вдохнул холодный, но свежий воздух. И в промежутках стремительного бега гигантского волка подумал: похоже, следующий год будет хорошим.

<http://bllate.org/book/17649/1691213>